

З. Д. Титова

МАТЕРИАЛЫ И. Г. ГМЕЛИНА О ТУНГУСАХ XVIII ВЕКА

И. Г. Гмелин — один из активнейших участников Второй камчатской (Великой северной) экспедиции (1733—1743 гг.).

В литературе достаточно широко отражена деятельность этой крупнейшей русской академической экспедиции XVIII в., собравшей ценные сведения о Сибири, которые сохраняют свое значение до настоящего времени. Особенно много было сделано отрядом, возглавлявшимся академиками Г. Ф. Миллером и И. Г. Гмелиным. В него входили академик Л. Делиль-Делякройер, адъюнкты академии Г. В. Стеллер и И. Э. Фишер, а также студенты академии С. П. Крашенинников, А. П. Горланов и другие. Отряд собрал большой и разнообразный материал о природных богатствах и населении Сибири.

Весьма плодотворной была деятельность Иоганна Георга Гмелина. Друг и соратник Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелин обогатил науку не только естественнонаучными, но и историческими, в том числе этнографическими трудами.

Результаты своих сибирских наблюдений И. Г. Гмелин изложил в основном в двух опубликованных им работах — «Путешествие по Сибири» («Reise durch Sibirien») и «Флора Сибири» («Flora Sibirica»). Для этнографов представляет интерес его первая работа. В ней кроме подробного географического описания районов Сибири, по которым проходил маршрут академического отряда, содержится много сведений о быте, занятиях, обычаях, обрядах и религии местного населения. Однако труд И. Г. Гмелина редко использовался исследователями, да и об авторе его известно гораздо меньше, чем о других участниках экспедиции. О Гмелине нет специальных монографий и статей, как, например, о Г. Ф. Миллере, Г. В. Стеллере, С. П. Крашенинникове. Правда, в последние годы советские ученые все чаще обращаются к труду И. Г. Гмелина о Сибири¹, но сведения о самом исследователе продолжают оставаться весьма скудными. До настоящего времени нет даже более или менее полной биографии И. Г. Гмелина, а писавшие о его деятельности пользовались немногими иностранными источниками² и книгой П. П. Пе-

¹ Э. И. Зиннер. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск, 1968; Л. П. Белковец. О месте И. Г. Гмелина в истории русской науки. — «История Сибири», вып. 3, Томск, 1971 г., с. 14—29; *её же*. Сведения И. Г. Гмелина о земледельческом освоении Сибири. — «История Сибири», вып. 18, Томск, 1975, с. 137—153; В. Ф. Иванов. Историко-этнографическое изучение Якутии XVII—XVIII вв. М., 1974, и др.

² «Kurze Nachricht von dem Leben und Reisen Herrn Doctoris Johann Georg Gmelins...», Göttingen, 1749; R. Gradman. Leben und Bedeutung I. G. Gmelin. — В кн.: I. G. Gmelin. 1709—1755. Der Erforscher Sibiriens. Ein Gedenkbuch. München, 1911, S. 3—20; «August Friderich Böks Geschichte der herzoglich Württembergischen Eberhard Carls Universität zu Tübingen». Tübingen, 1774.

карского³. Обнаруженная нами в Архиве Академии наук СССР краткая биография И. Г. Гмелина⁴ мало что добавляет к уже известным фактам. Поэтому любые новые сведения о его жизни и исследованиях представляют существенный интерес.

Иоганн Георг Гмелин, сын аптекаря и химика, родился в Тюбингене (Германия) 12 августа 1709 г. Воспитание и первоначальное образование получил дома, но уже 13-ти лет, в 1722 г., был принят в Тюбингенский университет, где слушал лекции знаменитых профессоров по ботанике, физике, химии, медицине. Для усовершенствования и закрепления своих знаний работал в лаборатории отца. В 1724 г. И. Г. Гмелин начал заниматься анатомией, а в 1727 г. блестяще защитил диссертацию. В том же 1727 г. молодой ученый покинул Тюбинген и отправился в путешествие по Германии. В Нюрнберге, Лейпциге, Галле, Дрездене, Любеке и других городах он в первую очередь интересовался естественнонаучными коллекциями.

И. Г. Гмелин не расставался с мыслью поехать в Россию, куда он стремился еще будучи студентом университета. Воспользовавшись советом своего бывшего учителя — философа и физика Г. Б. Бильфингера, ставшего одним из профессоров Российской Академии наук, 18-летний Иоганн Георг 30 августа 1727 г. прибыл в Петербург. Российских ученых И. Г. Гмелин очень расположил к себе еще до приезда, переслав в Академию наук естественнонаучную коллекцию окаменелостей из Вюртемберга. Ему было разрешено слушать отдельные лекции и производить различные исследования.

В 1728 г. И. Г. Гмелин получил от Тюбингенского университета степень доктора наук и хотел уже вернуться на родину, но передумал и остался в России. Он заключил с Академией наук договор на четыре года о чтении лекций по медицине и химии. В 1731 г. единодушным решением общего собрания Академии наук И. Г. Гмелин был назначен на должность профессора химии и естественной истории. Срок контракта ученого с Академией истек в 1732 г., но он выразил желание принять участие во Второй камчатской экспедиции. Разрешение от Академии наук И. Г. Гмелин получил и вместе с другими участниками экспедиции в 1733 г. отправился в Сибирь.

В 1744 г., вернувшись в Петербург, И. Г. Гмелин подал прошение об увольнении и разрешении уехать в Германию, ссылаясь на окончание четырехлетнего договора с Академией и плохое здоровье. Действительной же причиной была задержка печатания Академией его труда «Флора Сибири», приведшая к ссоре И. Г. Гмелина с И. Д. Шумахером. Однако конфликт был улажен, и 1 июня 1747 г. И. Г. Гмелин заключил новый договор с Академией на четыре года с предоставлением годичного отпуска для поездки за границу. Однако из Германии он уже не вернулся, оставшись профессором Тюбингенского университета.

В 1751 г. И. Г. Гмелин опубликовал за границей описание своего сибирского путешествия⁵, чем нарушил обязательство, данное Российской Академии наук, не издавать экспедиционных материалов без ее согласия. Кроме того, Гмелин в этой работе плохо отзывался о действиях сибирской администрации, о некоторых поразивших его «нелепых» нравах и обычаях русского населения Сибири, не скрывая при этом отрицательных сторон политики царизма в Сибири. Для русских официальных кругов этого было достаточно, чтобы выразить недовольство по поводу выхода в свет «Путешествия по Сибири» и признать книгу «излишней, непристойной и сумнительной»⁶. Действительно, при цензурных поряд-

³ П. П. Пекарский. История имп. Академии наук в Петербурге, т. I. СПб., 1870, с. 431—457.

⁴ Архив АН СССР. Ленинградское отделение, ф. 21, оп. 1, № 105.

⁵ I. G. Gmelin. Reise durch Sibirien, B. 1—4. Göttingen, 1751—1752.

⁶ А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. 4. СПб., 1892, с. 226.

ках, которые существовали тогда в России, при невозможности высказывать свои суждения относительно предметов — иногда самых невинных — труд И. Г. Гмелина воспринимался как явление отрицательное. Считалось, что он бросал тень на русский народ. Еще в конце XIX в. П. П. Пекарский писал, что «„Путешествие“ Гмелина, если бы он остался в России, никогда не могло бы быть напечатано в том виде, в каком оно появилось в Германии в 1751 г.»⁷.

Но если внимательно прочитать «Путешествие по Сибири», то легко убедиться в том, что все толки, возникшие вокруг этой работы, не имели под собой реальной почвы. Можно полностью согласиться с Л. П. Белковец, утверждавшей, что «Гмелин с присущим ему юмором изобразил в дневнике существующие в Сибири порядки, славившиеся неслыханным взяточничеством царской администрации, грабившей местные народы Сибири. Это нельзя отождествлять с хулой на русский народ и Россию»⁸. Но как бы то ни было, исследование И. Г. Гмелина, так и не переведенное на русский язык, стало библиографической редкостью и мало использовалось исследователями.

«Путешествие по Сибири» — четырехтомный труд И. Г. Гмелина — представляет собой дневник, в который ежедневно заносилось все, что привлекало внимание автора — скажем, названия городов, селений, рек, озер, народов и т. д. Сталкиваясь с тем или иным народом, Гмелин интересовался его образом жизни, занятиями, обычаями, обрядами и особенно верованиями.

В «Предисловии» И. Г. Гмелин рассказывает об истории двух Камчатских экспедиций и задачах, поставленных перед ними Академией наук. Далее следует описание путешествия из Петербурга в Якутск и обратно. Первый том (1733—1735 гг.) содержит описание пути экспедиции от Петербурга до Селенгинска (ныне г. Селенга) через Тобольск, Тару, Семипалатинск, Томск, Енисейск, Красноярск, Иркутск. Второй том (1735—1737 гг.) — путешествие по Забайкалью до Китайской границы, по р. Лене до Якутска. Третий (1737—1740 гг.) и четвертый (1740—1743 гг.) тома содержат описание обратного пути из Якутска. Надо сказать, что в дневнике И. Г. Гмелина есть сведения не только о крупных городах, через которые проезжала экспедиция, но и об отдельных деревнях, селах, погостах, острогах — Канском, Удинском, Балаганском.

В «Путешествии по Сибири» мы находим этнографические данные о сибирских татарах (тобольских, томских, барабинских, кузнецких, чуймских), качинцах, телеутах, бельтирах, сагайцах, бурятах, тунгусах и якутах. Таким образом, собранные И. Г. Гмелиным материалы представляют и сейчас чрезвычайно ценный источник по истории и этнографии народов Сибири, а его труд должен стать предметом специального исследования не только историков, но и этнографов⁹.

Мы не ставим своей целью дать анализ всего этнографического материала, собранного И. Г. Гмелиным. Остановимся только на его сведениях о тунгусах. Принято считать, что тунгусам ученый уделил гораздо меньше внимания, чем другим сибирским народам. Посмотрим, как в действительности обстоит дело.

Сведения о тунгусах мы находим во втором томе «Путешествия по Сибири»¹⁰. Первое знакомство ученого с тунгусами состоялось в Нерчинске, где ему удалось наблюдать камлание местного шамана, которого члены экспедиции попросили продемонстрировать свое искусство. Гмелина поразил костюм шамана — меховая шапка, кожаный «бала-

⁷ П. П. Пекарский. Указ. раб., с. 449.

⁸ Л. П. Белковец. О месте И. Г. Гмелина в истории русской науки, с. 16.

⁹ Некоторые общие сведения об этнографических материалах И. Г. Гмелина даны в кн.: С. А. Токарев. История русской этнографии. М., 1966, с. 85.

¹⁰ I. G. Gmelin. Reise durch Sibirien, В. 2, S. 44—46, 82—89, 124—130, 207—216; далее в тексте приводятся цитаты в нашем переводе.

хон», обвешанный всевозможными железными предметами. На каждом плече был пришит («для бóльшего ужаса») зубчатый железный рог. Бубна у шамана не было. Перед разведенным огнем шаман танцевал, проделывая «различные дикие движения», неистово кричал, а после танца спросил путешественников, что им хотелось бы узнать. «И когда мы сообщили ему свои желания,—пишет И. Г. Гмелин,—он в ответ проявил все свое искусство» (с. 46).

В районе Нижней Борзи ученый наблюдал камлание еще одного тунгусского шамана. Его костюм несколько отличался от того, что Гмелин видел в Нерчинске. На плечах шамана было по два железных зубчатых, но не очень длинных рога. На кожаном балахоне вверху посередине (у шейного выреза) прикреплены одно под другим два железных кольца, с которых свисали две кожаные полосы. На каждой полосе имелась тонкая железка, похожая на пилу, шириной в один и длиной в восемь дюймов. Нижние концы кожаных полос, доходившие почти до земли, заканчивались колокольчиками. Кое-где на этих же полосах висели еще маленькие железные бубенчики, а внизу — несколько железных китайских «замков» (Schlösser). Действия этого шамана не отличались от действий его нерчинского собрата.

Продвигаясь дальше, И. Г. Гмелин встретил тунгусов, живущих по Аргуни. Он записал, что они разделяются на конных, оленных и собачьих. По мнению Гмелина, конными стали называть тех оленных тунгусов, которые потеряли всех оленей и заменили их лошадьми.

В «Путешествии по Сибири» подробно рассказано об одежде аргунских тунгусов. Она состояла из мехового кафтана, штанов, сапог и шапки. Женское платье отличалось от мужского обилием украшений. «Женщины,—пишет Гмелин,—любили себя украшать серьгами (в ушах) и нитками разноцветного бисера» (с. 124).

Описывая занятия тунгусов, И. Г. Гмелин отмечал, что главное из них — охота, причем чаще всего на лошадях. Кроме того, они занимались собирательством. Корни разных видов лилий и ягоды играли не последнюю роль в их рационе.

Весьма краткие сведения дал исследователь о тунгусских идолах (Schewüki). Изготавливались они из дерева или меди. Тунгусы обращались к идолам, прося удачной охоты и благодаря за нее.

И. Г. Гмелин затронул вопрос о социальных отношениях у аргунских тунгусов. Он пишет: «Власть у них принадлежит зайсанам, шуленгам или тайше. Все названные лица обязаны следить за порядком, разбирать споры и накладывать мелкие штрафы. Так как тунгусы живут между собой очень мирно, то и очень редко жалуются русским друг на друга» (с. 130).

Следующая встреча И. Г. Гмелина с тунгусами произошла в пяти верстах от Илимска. Он отметил, что чумы илимских тунгусов очень разбросаны, «редко, чтобы пять стояло вместе» (с. 207). В книге рассказывается о жизни илимских тунгусов, их постоянных перекочевках в поисках зверя, описываются переносные чумы, лодки. Последние были двух типов: большие, из березовой коры, длиной в 4,5 сажени и шириной в один аршин (в них помещалось четверо взрослых, каждый греб веслом) и маленькие — длиной в одну сажень, шириной в 6 вершков (для одного человека).

Внешне илимские тунгусы напоминали бурят и нерчинских тунгусов. Однако в отличие от нерчинских, илимские имели татуировку. У одних это довольно сложный рисунок на обеих щеках (в виде двух, трех, четырех жирных полос или фигур), у других — всего лишь стрих на лбу над глазами, у третьих — украшен только подбородок. Способа нанесения татуировки Гмелин не приводит.

Особый интерес для этнографов представляет описание обычая так называемого «воздушного погребения» у илимских тунгусов. Знатных

и уважаемых покойников они клали на высокий деревянный помост, а сверху плотно закрывали его деревьями и кустами, чтобы труп не стал добычей птиц. Рядом с покойником клали его личные вещи — лук, стрелы и котел. Такие захоронения тунгусы старались устраивать в глухих местах.

Одежду илимских тунгусов составляли кафтан из оленьей шкуры мехом наружу, спускавшийся немного ниже колен, короткие штаны, сапоги и шапка. Женщины носили такой же кафтан, но мехом внутрь, обильно расшитый бисером.

Говоря о деревянных идолах илимских тунгусов, И. Г. Гмелин замечает, что последние обращаются с ними не всегда почтительно. При удачной охоте тунгус благодарит идола и обмазывает кровью убитого животного, при неудаче же сердится на него, бросает на землю подальше и некоторое время не обращает на него внимания.

Заканчивая характеристику илимских тунгусов, И. Г. Гмелин сообщает, что они очень бедны. Самые богатые из них имеют не более 50 оленей, а самые бедные — шесть.

Таковы краткие, но весьма интересные сведения Гмелина о нерчинских, аргунских и илимских тунгусах. Ценно то, что они получены вследствие личных полевых наблюдений путешественника.

Совершенно неожиданно оказалось, что эти сведения можно несколько дополнить. К сожалению, в архивах Советского Союза мало исторических и этнографических материалов И. Г. Гмелина. Видимо, уезжая в Германию, он взял с собой если не весь свой архив, то по крайней мере большую его часть. И тем не менее кое-какие новые материалы нам удалось найти.

В Архиве Академии наук СССР хранится рукопись И. Г. Гмелина под заглавием «Дневник Камчатского путешествия...» («Tagaregister Kamtschatzkischen Reise...») ¹¹. Рукопись на немецком языке, с пометой, что переписана она переводчиком Мартини. На ее полях — многочисленные вставки и поправки, сделанные рукой Гмелина. Как удалось установить, рукопись является одной из первых редакций той части дневника, которая в окончательном виде составила содержание первого и второго томов «Путешествия по Сибири».

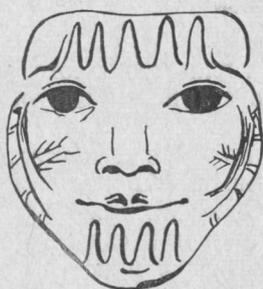

Рис. 1. Татуировка на лицах якутских мальчика (слева) и девочки (справа)

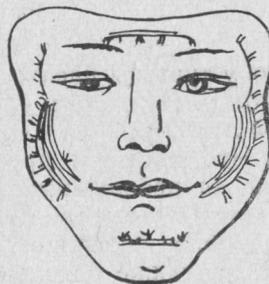
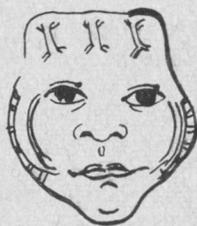

Рис. 2. Татуировка тунгусского мальчика

В рукописи, в отличие от печатного текста, имеются рисунки на полях, среди которых есть и этнографические ¹². На последних изображена татуировка на лицах якутских мальчика и девочки (см. рис. 1), а также тунгусского мальчика (рис. 2). При этом И. Г. Гмелин замечает, что для якутов татуировка не была так характерна, как, например, для тунгусов и высказывает предположение, что якуты заимствовали ее от тунгусов. Узор татуировки на лице, как указано в рукописи, состоял из тон-

¹¹ Архив АН СССР. Ленинградское отделение, ф. Р. 1, оп. 104, № 1, 515 л.

¹² Там же, лл. 50, 396, 402, 422, 467.

ких линий, идущих в разных направлениях. Изображение татуировки на лице тунгусского мальчика по сути дела иллюстрирует описание татуировки на лицах илимских тунгусов, которое имеется в «Путешествии по Сибири». Только в рукописи это описание более детальное. В ней сказано, что на лице линии тянутся от наружных углов глаз через щеки к углам рта. Таких линий пять, причем последняя с наружной стороны имеет двойные перпендикулярные штрихи. От наружных углов глаз вверх ко лбу идут тонкие линии с редкими перпендикулярными штрихами. На лбу и на подбородке — две полосы, одна толстая, другая тонкая. От толстой на лбу и от тонкой на подбородке расходятся пучками штрихи, причем на лбу они обращены вниз, а на подбородке — вверх.

И. Г. Гмелин отмечает, что «операция татуировки» происходила у представителей того и другого пола в возрасте от 12 до 20 лет. Не каждый тунгус умел производить такую операцию, а только «специалисты», главным образом женщины. Пользовались они при этом иглой с ниткой, окрашенной сажей.

Еще два рисунка в рукописи заслуживают внимания. На одном из них изображена железная скоба закругленной формы, с тремя острыми концами, два из которых слегка загнуты внутрь (см. рис. 3). Такую

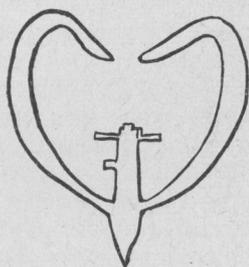

Рис. 3. Железная скоба, применявшаяся тунгусами для подледного лова рыбы

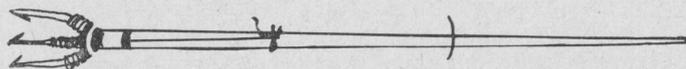

Рис. 4. Железная острога для ловли рыбы

скобу тунгусы насаживали на древко и применяли для подледного лова рыбы¹³. На втором — изображена железная острога (рис. 4) для обычной ловли рыбы.

Что касается других этнографических материалов о тунгусах, то они, за небольшим исключением, почти полностью вошли в печатный текст «Путешествия по Сибири». В рукописи мы находим только более подробное описание тунгусских лодок, оленьих упряжек и езды на оленях, а также некоторых способов охоты. Интересным в рукописи нам представляется и упоминание И. Г. Гмелина о том, что описание различных сибирских народов проводилось им на основе инструкции, составленной в 1737 г. Г. Ф. Миллером для С. П. Крашенинникова. Инструкция эта также хранится в Архиве Академии наук СССР¹⁴. Она охватывает весь тот круг вопросов, которые должен был исследовать этнограф в своей полевой работе. Требовалось собрать сведения о внешнем виде, одежде, украшениях, жилище, пище и ее приготовлении, о

¹³ Нам представляется, что это особый вид остроги. К сожалению, описание скобы и процесса лова рыбы с ее помощью изложено очень неясно и поэтому, видимо, не вошло в печатный текст.

¹⁴ Г. Ф. Миллер. Допросы при описании народов и их нравов и обычаев.— Архив АН СССР. Ленинградское отделение, ф. Р. 1, оп. 13, № 11, лл. 128—183.

способах передвижения, промыслах, о занятиях мужчин и женщин, о браке, обрядах и верованиях.

Можно предполагать, что И. Г. Гмелин при этнографическом описании отдельных сибирских народов придерживался этой инструкции. Свидетельством этому служат и его рукописи, и опубликованный труд: в них мы находим довольно подробные ответы на все вопросы инструкции. Особое внимание Гмелин уделил шаманам, записав весьма подробно весь процесс камлания.

Сохранилась еще одна очень интересная рукопись И. Г. Гмелина — «Разные известия о катангских тунгусах, которые живут на р. Нижняя Тунгуска» (на немецком языке, объем 10 л. с об.), до сих пор не привлекавшая должного внимания исследователей. Содержащееся в ней разностороннее описание катангских тунгусов дополняет сведения, собранные Д. Г. Мессершмидтом в начале XVIII в. о тунгусах Нижней Тунгуски.

Напомним, что в 1719 г. Петр I поручил немецкому ученому Д. Г. Мессершмидту, специально приглашенному для этой цели, исследование Сибири. В 1729 г. Мессершмидт проехал по Нижней Тунгуске из Туруханска на Лену, пробыв 85 дней среди тунгусов. Он оставил описание материальной культуры — преимущественно летней одежды и жилища — некоторых обычаев и верований тунгусов этого района (дневник Д. Г. Мессершмидта хранился в Ленинграде в Архиве АН СССР; в 1960 г. Академия наук ГДР совместно с Академией наук СССР начала подготовку издания дневника на немецком языке).

Рукопись И. Г. Гмелина, также относящаяся к первой половине XVIII в., существенно расширяет наши знания о тунгусах этого района.

Ниже приводится ее перевод.

РАЗНЫЕ ИЗВЕСТИЯ О КАТАНГСКИХ ТУНГУСАХ, КОТОРЫЕ ЖИВУТ НА р. НИЖНЯЯ ТУНГУСКА *

Тунгусы называют Нижнюю Тунгуску — Катанга...

Основная их пища — мясо разных животных и птиц, за исключением лис и воронов. Они также не едят никаких мелких животных. Самая обычная их еда — мясо оленей и лосей. При хорошем промысле они запасают мясо впрок. Зимой его всегда держат на холоде; весной сушат на специально для этого сделанных решетках. Мясо нарезают на мелкие кусочки и бросают на решетку, под которой в течение всего дня поддерживается огонь. За это время мясо коптится, провяливается и приобретает такую стойкость, что может лежать все лето. Рыбу сушат таким же образом, но сначала из нее вынимают кости. Из растений, которые есть в этих местах, тунгусы заготавливают корни сараны¹ двух видов — белой и желтой; внутреннюю (inneren) кору ели (Fichte) сушат и толкут². Тунгусы едят также всякого рода ягоды — чернику, толокнянку, бруснику, клюкву, голубику, смородину, черемуху. Больше всего они любят голубику и приготавливают из нее даже особое кушанье. Для этого берут порцию ягод, кладут в котел, ста-

* Хранится в центральном гос. архиве древних актов, — портф. Миллера, № 509, л. 8, л. 1—10 об. Об этой рукописи в 1961 г. вскользь упомянул М. О. Косвен в статье «Этнографические результаты Северной экспедиции 1733—1743 гг.» — «Сибирский этнографический сборник», вып. 3, М., 1961, с. 196. Публикуемый перевод с немецкого и примечания З. Д. Титовой.

¹ Сарана — сибирская лилия.

² Может быть, это заболонь — молодые, не вполне еще одревесневшие, наружные слои дерева.

вят на огонь и мешают, пока сок не закипит, затем добавляют, помешивая, немного муки и в таком виде едят. Ягоды на зиму не запасают. Сырыми употребляют один корень (Schenig) и березовую кору с соком, которую соскабливают весной. Но кору, как и ягоды, на зиму не запасают. Мясо и рыбу употребляют в вареном виде, а бульон заправляют сараной, мукой, которую покупают у русских, или еловой корой³. Иногда тунгусы жарят кусок уже отваренного мяса, насаживая его на деревянную палочку и держа над огнем. Чаще всего так готовят мясо птиц. Лакомым блюдом у них считается жареная оленина. Тунгусы охотно едят конину (жеребят покупают у русских). Пьют они воду и оленьё молоко в подогретом виде, но последнее чаще дают только детям, так как молока от оленей получают мало.

Тунгусы охотятся круглый год, однако главный промысел зимой, когда выпадает глубокий снег или когда он уже несколько подтаивает. При глубоком снеге животное не может уйти от охотника, который на лыжах легко его догоняет. Убив животное, охотник закапывает его в снег и возвращается домой, по пути делая на деревьях зарубки. Вернувшись, он посылает жену на нартах за добычей. Она по лыжному следу мужа и зарубкам на деревьях быстро находит зарытое животное и привозит его домой. Более распространенным способом охоты, которая обычно бывает в марте, является охота с собаками. В это время снег подтаивает, становится скользким, и животное, убегая от преследования, часто скользит и падает. Его легко догоняют собаки. Последним на лапы надевают маленькие кожаные мешочки⁴. Тунгусы, которые живут выше р. Ерёма⁵, не идут вниз по этой реке на промысел, а большей частью направляются в верховья Тунгуски и успевают еще зимним путем вернуться назад. Те же тунгусы, которые живут в низовьях реки [Нижней Тунгуски], доходят, промышляя, до Витима в то время, когда реки уже вскрываются и обратный путь им приходится совершать вверх по Лене, а затем волоком у Чечуйска и вниз по Тунгуске. На Лене у них часто бывает возможность убивать оленей и лосей, когда те переплывают реку, что на Тунгуске случается очень редко и только весной. Большую часть лета тунгусы занимаются рыбной ловлей, а когда реки начинают замерзать, но снега еще нет, ставят «пасти»⁶. Как только выпадет немного снега, начинается промысел белок, а иногда в это же время стараются убить медведя, который еще выходит из берлоги.

Шкуры взрослых лосей и молодых, убитых летом, обрабатывают таким образом, чтобы на них не осталось волос и кожа была как замша (у местных русских она называется «половинки»). Шкуры же оленей с прочными и плотными волосами (как бывает зимой) заготавливают без обработки и потом из них шьют шубы. Шкуры оленей, уже начавших линять, переделываются в ровдугу⁷. Чтобы приготовить «половинки» или ровдугу, шерсть соскабливают с сырой шкуры ножом, затем шкуру натягивают и оставляют сохнуть. Высушенная кожа скоблится в течение одного дня с обеих сторон железным скребком (им действуют два человека). Скребок имеет вид железки, употребляемой русским плотником вместо рубанка. Затем кожа увлажняется, а внутренняя ее сторона (мездра) обмазывается мозгом оленя. В таком виде кожу подвешивают и в течение нескольких дней коптят — в холодные дни в чуме, а в теплые — под открытым небом. Наконец, для того чтобы прокопченная кожа стала гладкой и мягкой, ее опять мнут с обеих сторон в течение дня скребком, похожим на пилу, толщиной со спинку ножа, с тупыми зубьями. Заготовка шкур с волосами происходит так же, только скребут их по внутренней стороне. Красные кожаные ремни, которые иногда носят на одежде, сделаны из замши, окрашенной в красный цвет с помощью камня-железняк (Rotstein). Железняк натирают на ручном точильном камне; при этом красильница держит во рту немного Lumina (?) от стерляди или осетра и слюной, ставшей от этого клейкой, брызжет время от времени на точильный камень, одновременно втирая в него краску. Потом замша только смазывается этой смесью. Когда же замша высохнет, ее натирают смолой от лиственницы и начищают до блеска. Еще тунгусы окрашивают целые куски замши в черно-коричневый цвет краской, приготовленной из ольховой коры. Кору для этой цели высушивают, кладут в котел, заливают щелоком и кипятят, подли-

³ Очевидно, заболонь.

⁴ Вероятно для того, чтобы собака не наколола лап об острый весенний наст.

⁵ Ерёма — левый приток Нижней Тунгуски.

⁶ Пасть — ловушка для мелкого зверя. Что здесь имел в виду И. Г. Гмелин, не ясно.

⁷ Ровдуга — оленья шкура, выделанная под замшу.

вая щелок и мешая, пока не увидят, что краска выделилась. Последняя выглядит как красноватая каша. Этой кашей смазывают замшу и сушат.

Тунгусы украшают свою одежду длинным козым мехом или волосом из гривы лошади. Волосы и корни кладутся в котел с водой и варятся до тех пор, пока волосы не станут красными; тогда их вынимают и сушат.

Для еды и питья тунгусы употребляют чашки, ложки и котлы. Чашки и ложки обычно делают из дерева, иногда из оленьих рогов.

Имеются у тунгусов еще корзины из бересты, обтянутые кожей (по-тунгусски инмэк⁸, по русски — патакуи). По верху корзины оставляют край из кожи в два пальца шириной, под который вдвигается крышка из бересты. Она закрепляется веревками, продернутыми в коже. В корзинах хранят праздничное платье или другие вещи, которые хотят сберечь. Некоторые тунгусы имеют маленькие ящики из дерева, купленные у русских.

В каждом чуме есть пури⁹, где хранится все, что не нужно постоянно держать под рукой.

Каждый тунгус имеет своего идола, которого делает из дерева сам по указанию шамана. В трещине, изображающей рот, должен постоянно находиться кусочек жира; если он случайно упадет на землю, надо вставить другой. Если же тунгусы хотят оказать идолу особую честь, то кусочек жира бросают на уголья, а идола держат над подымающимся дымом. Идола, которого тунгус себе сделал, нельзя оставлять. Когда тунгус умирает, идола вкладывают между двумя выдолбленными деревяшками, затем связывают их и кладут с умершим в могилу.

Женщины, как правило, рожают легко и через день после родов бывают уже на ногах. Ребенок кладется в люльку так, что он словно сидит в ней и держит головку вверх. Люльку подвешивают за ремни в чуме, причем качают ее от головы к ногам, а не из стороны в сторону. Ребенка ничем плотным не укрывают, а под него подкладывают мелко растертое дерево лиственницы и время от времени его меняют. Ребенка кормят грудью до полутора-двух лет. Тогда ребенок обычно начинает говорить и получает имя. Его дает человек, который в это время входит в чум, будь он русский или тунгус.

Примеры тунгусских имен: Ангивче, Аналбу, Хюркассан, Алдшаол, Илума, Омнидше, Малгаол, Конгнорин (черный). Примеры тунгусских женских имен: Барген, Юлдшак, Утак, Иушгше, Тюмнук, Дшолбюк, Ирентик, Ноивилик, Булган.

Когда ребенку исполняется 10 лет, добропорядочный отец заботится о татуировке. У богатых татуировку производят иногда на третьем или четвертом году. По небрежности это иногда переносится с одного срока на другой и операция происходит лишь в 20 лет. Татуировка — работа женщины, но умеет ее делать далеко не каждая. Сначала черным мелом (Schwarze Kreyde)¹⁰ растирается на обмазанном табаком ручном шлифовальном камне, затем татуировщица прибавляет в краску понемногу слюны до тех пор, пока краска не достигнет консистенции каши. Тогда женщина берет черную нитку длиной примерно в один вершок, вдевает ее в тонкую иглу и протягивает через приготовленную краску. Ребенок ложится на землю и татуировщица, тоже сидя на земле, кладет его голову себе на колено, повернув вверх левую сторону лица, так как обычно с нее начинают татуировку. Сначала на лицо от угла рта до наружного угла глаза накладывается крашенная нитка в форме полумесяца. Таким образом, наносится контур рисунка, которым руководствуется татуировщица. Нитку она снова окрашивает, прокалывает кожу и тянет нитку под кожей примерно на одну двенадцатую дюйма, затем вытаскивает нитку наружу и снова вкалывает иглу в кожу. Такими стежками она прошивает весь рисунок до угла глаза. Во время этой операции нитку часто пропускают через краску, а кровь время от времени вытирают. Но крови бывает немного, потому что татуировщица принимает меры предосторожности, оттягивая насколько возможно кожу вверх. К вышитому полумесяцу, уже без предварительного рисунка, добавляются на глаз три-четыре параллельных линии на незначительном расстоянии друг от друга. Они сходятся в одной точке, а именно у глаз и рта. Последняя параллельная линия имеет

⁸ Инмэк — торсук, вьючная сума из бересты, оклеенной сшитыми камусами.

⁹ Пури — крытый ларь на сваях.

¹⁰ Может быть, здесь имеется в виду графит.

зубцы, обращенные к затылку, сделанные толще и отчетливее. Затем украшается часть от внутренней вогнутой стороны рисунка к носу. Итак, одна сторона лица готова. Для ее быстрого заживления и большей гарантии, что краска в требуемых местах задержится, эта сторона лица обмазывается краской. Другая сторона лица татуируется таким же образом. Лоб украшается последним. Редки случаи, когда вся операция у мальчиков или девочек проходит сразу. Объясняется это сильной болью, причиняемой процедурой татуировки. Я видел мальчика 10 лет, не дававшего делать себе татуировку на второй стороне лица, как его ни уговаривал отец. Говорят, что лицо редко гноится от татуировки, но на ней образуется корка, которая скоро отпадает.

Тунгус редко женится ранее 15 лет, обычно это происходит в 20 лет. Если у него есть сестры, то он выпрашивает у отца одну из них и идет к другому тунгусу, который тоже имеет сестер, и с ним меняется¹¹. Женщины при этом никакого права голоса не имеют, обмен происходит без их согласия. А когда обмен совершен, женщины считаются замужем. Других брачных церемоний у них нет. Часто случается, что девочке нет еще пяти, а то и четырех лет, а ее уже обменивают, и о ней заботятся, пока она не будет зрелой. Если сестер для обмена нет, то тунгус заявляет о своем желании [жениться] отцу той, которую наметил взять в жены, сначала через третье лицо. В случае благоприятного ответа, он говорит с отцом [девушки] сам и договаривается о калыме. За красивую девушку отдают до 10 оленей и сверх этого еще различные деревянные вещи. Тунгус берет себе от одной до семи жен, в зависимости от достатка. Если жена изменила мужу, он ее выгоняет, не давая ничего из имущества. Но она скоро находит себе другого мужа. Тунгусы имеют право брать жен только из своего рода.

Когда тунгус умирает, то родственники на другой же день делают гроб из четырех досок, кладут в него покойника в повседневной одежде вместе с его личными вещами — луком, стрелами, ложкой, чашкой, топором, трубкой и идолом. Некоторые кладут еще котел. К покойнику привязывают также кусочек мяса. Когда труп положен в гроб, приходят близкие родственники и громко плачут. Тут же закалывают оленя или собаку и их кровью обмазывают гроб¹². При этой церемонии присутствие шамана необязательно. Если убивают оленя, то внутренности и срезанное мясо с костями уносят в чум; кости складывают в сосуд, а жир подвешивают на кол. Если же убивают собаку, то труп с кожей насаживают на кол у могилы. Летом роют могилу, опускают в нее гроб, а сверху наваливают деревья и кустарники, чтобы дикие звери не вырыли труп. Зимой гроб ставят на замерзшую землю и тоже вокруг и сверху плотно укрывают деревьями. На небольшом расстоянии от могилы разводят огонь, чаще из сырого кустарника, чтобы было больше дыма, и бросают туда все, что остается у могилы. Дым, по мнению тунгусов, должен очистить все вокруг. После этого идут в чум и съедают оленьё мясо, а на другой день покидают это место, так как тунгусы боятся покойников, особенно своих ближайших родственников. Шамана хоронят точно так же, только в могилу с ним кладут бубен и шаманскую одежду, а вокруг могилы вбивают высокие палки. Страх перед умершим шаманом у тунгусов так велик, что все, кто живет поблизости от его могилы, переезжают очень далеко, даже если шаман был не из их рода.

Болезни, которыми тунгусы чаще всего болеют, — оспа, корь, водянка, чахотка, причем многие от этих болезней умирают. Когда болят ноги, руки или спина, то больные места прижигают кусочком трута, сделанного из березовой губки. Если это не помогает, то больное место татуируют, причем линии рисунка должны пересекаться на больном месте. Татуируют обычно больные руки и ноги, а спину прижигают. В том случае, когда и эти средства не помогают, на помощь призывают шамана, который велит принести жертвы, потом производит какие-то манипуляции над больным и в конце концов несколько раз сильно кусает зубами больное место, но не до крови. Если тунгус чувствует боль в коленях во время промысла, то он только прогревает их у огня, утверждая, что это приносит ему облегчение. Среди тунгусов есть горбатые от рождения и хромые. Старики у них несколько теряют зрение и слух.

¹¹ Описанный И. Г. Гмелиным обычай сохранялся у тунгусов этого района еще в начале XX в. (см. *Г. М. Василевич*. Эвенки. М., 1969, с.157).

¹² Традиция омовения умершего кровью животных, по словам Г. М. Василевич, сохранялась у бургузинских тунгусов еще в XIX в. (см. *Г. М. Василевич*. Указ. раб., с. 240).

Одежда тунгусов-мужчин состоит из следующих предметов:

1. Носки (Djoktan), которые закрывают ступню¹³; в них (от пота) кладут тонкие стружки из коры жимолости. 2. Чулки (Tschikulma), без части, покрывающей ступню, закрывающие голень и бедро¹⁴. 3. Сапоги без каблуков (по-русски унты) до колен. 4. Штаны — короткие и узкие. 5. Шуба (Peltz) с рукавами, закрывающая спину и бока до бедер (по-русски парка)¹⁵. 6. Нагрудник, свисающий до колен. 7. Воротник, который надевается то на шею, то на голову.

Носки либо полностью делают из замши, либо из нее изготавливают только подошву, а верх из материи. Чулки носят летом из замши, зимой из оленьих шкур. У сапог подошва всегда из замши, а верх — летом из замши, зимой из камусов¹⁶. Штаны и летом, и зимой обычно замшевые. Парка и нагрудник — летом из замши, зимой из оленьих шкур. Воротник — из беличьих хвостов. В сильные холода тунгусы пришивают сзади к парке два воротника один к другому так, что один закрывает шею, а другой, в виде капюшона, голову. Чулки, помимо того, что подсовываются под штаны, еще и привязываются к ним спереди и сзади завязками; кроме того, их прикрепляют с помощью нескольких завязок к унтам. Штаны — на вздержке вокруг талии; через загнутый широкий верхний край штанов пропущен ремешок, который завязывается с правой стороны. С обеих сторон парки сверху донизу много шнуров, которые спереди завязываются под нагрудником, благодаря чему тело оказывается плотно укутанным, повсюду хорошо закрытым.

Ни один тунгус никогда не ходит без ножа, огнива, курительной трубки, мешочка с трутом и кисета. Кисет привязывают на самом нижнем шнуре парки, примерно в середине туловища. Для остальных вещей к штанам у талии (справа и слева) прикреплены по два латунных или железных кольца. С правой стороны на одном из них висит нож в футляре, на другом — трубка для курения, тоже в футляре. С левой стороны подвешен мешочек с трутом и огниво. Чтобы нож и трубка не препятствовали бегу, к футлярам внизу пришиты два шнура, один из которых обвязывается вокруг талии и соединяется с другим. Рукавицы сделаны как у русских, только гораздо уже. Снаружи они из оленьих шкур, а внутри из меха зайца, лисы или молодого медведя.

Одежда мальчиков мало чем отличается от одежды взрослых мужчин. Разница лишь в том, что мальчики надевают парку не на голое тело, а на замшевую парку, а под грубый нагрудник поддевают тонкий из замши.

Женская одежда несколько отличается от мужской. С левой стороны женской парки пришит большой кусок замши, который с правой стороны крепко привязывается шнурами к парке и таким образом закрывает всю грудь. На всех женских парках сзади свисает много шнурков. Справа у женщин вместо ножа висит тонкий полый костяной цилиндр, длиной в несколько вершков, в котором держат свернутый кусок кожи с воткнутыми в нее иголками. Нитки и запас иголок женщины носят около кисета, в специальном перепончатом мешочке, сделанном из «околосердечной сумки» оленя.

В чуме тунгусы ходят большей частью без чулок, парки и нагрудника. Огонь горит у них, правда, день и ночь, но только тунгус может им согреться. Спят они на оленьих шкурах; одеялом служит парка.

Из названий их месяцев я смог узнать только девять: первый месяц Ухон; второй — Хокдарпе, когда падает снег и начинается беличий промысел; третий — Гиравун¹⁷, холодный месяц; четвертый — Мирэ¹⁸, тоже холодный; пятый — Окτανдира, еще холодный, шестой — Туран¹⁹, период прилета ворон; седьмой — Шоннга, отел оленей; восьмой — Илкун²⁰, период созревания ягод, девятый — Юрен, когда ягоды поспевают.

Тунгусы знают истории и шуточные сказки, которые они рассказывают друг другу (чаще матери детям).

¹³ По-тунгусски *дэктэн* означает меховые чулки.

¹⁴ По-тунгусски *чикулма* означает ноговицы (длинная гамаша на всю ногу).

¹⁵ Здесь слово *парка* применено неправильно. Парка — это одежда глухая, без разреза. Судя же по описанию И. Г. Гмелина, у тунгусов был распахной кафтан.

¹⁶ Камус — полоса шкуры с оленьих или лосиных ног.

¹⁷ Январь.

¹⁸ Декабрь.

¹⁹ Март-апрель.

²⁰ Июль-август.

Образец одной из таких шуточных сказок:

Беседа между Словопышна и Кунше

С.— Пойдемте купаться.

К.— Мы промокнем.

С.— Надень перчатки.

К.— Они будут мокрые.

С.— Они высохнут у огня.

К.— Они сгорят.

С.— Переворачивай их чаще и три.

К.— Они разорвутся.

С.— Зашей их снова.

К.— Откуда взять иголку?

С.— Из ящика.

К.— Где ящик?

С.— На лабазе.

К.— Где лабаз найти? Он уже занесен снегом.

Еще одна история. Три брата идут из чума к берлоге, чтобы убить медведя. Младший несколько придурковат. Они подходят к берлоге, но, увидев медведя, дурачок убегает и вдруг садится прямо на дороге около кривого и мерзлого дерева. Он обезумел от испуга и не шевелится. Тем временем два других брата убивают медведя, но им слишком тяжело нести тушу домой. Поэтому они отрезают маленький кусочек медвежьего сала и бегут с ним к своему придурковатому брату. Тот все еще находится в оцепенении; они открывают ему рот и всовывают сало. Тотчас дурачок приходит в себя, съедает сало, уверяя, что оно очень сладкое. «Откуда у вас это?» — спрашивает он братьев. Они говорят, что от медведя, которого они убили, но который еще лежит в лесу. «Эй,— говорит дурачок,— поспешим туда и отнесем медведя домой». Все вместе они бегут за медведем и хотят его поднять, но не могут. Дурачок же говорит, что они ему только мешают. «Я его понесу один»,— и с этими словами он взваливает тушу на плечи и несет ее в чум. Другие говорят, чтобы он позвал гостей. Но дурачок отвечает, что это не нужно — он сам хочет съесть все — с кожей, шерстью и костями. И он сожрал тотчас медведя.

Мальчикам, как только они начинают бегать, делают маленькие луки и стрелы из дерева, чтобы они стреляли в чуме. Девочек очень рано обучают шитью.

Весной у тунгусов бывают праздники, на которые собирается весь род. Веселятся целый день: женщины танцуют, мужчины состязаются в стрельбе из лука, прыгают через наваленные большие кучи деревьев, дерутся деревянными палками. На таких праздниках обязательно закалывают оленя.

Тунгусский род часто выступает войной против других родов. В этих случаях тунгусы надевают на себя специальные панцири, которые закрывают всю левую сторону туловища как спереди, так и сзади, до колен. Эти панцири состоят из ряда железных пластинок в несколько вершков длиной и в четверть вершка шириной, соединенных друг с другом жильными нитками. Кроме того, все ряды скрепляются между собой. С правой стороны к панцирю прикрепляются деревянные доски, которые привязывают к шее. Они защищают всю правую сторону тела. На наружной стороне руки, от плеча до локтя, укреплено нечто вроде крыла из дерева, которое двигается при движении руки. На голову надевается круглая, несколько заостренная шапка, составленная также из железных пластинок. Тунгусы редко схватываются в рукопашную, а стреляют друг в друга на расстоянии полета стрелы. Употребляют они при этом маленькие стрелы с наконечником в виде зубила. Стреляют друг в друга до тех пор, пока какая-нибудь из сторон не выразит желания заключить перемирие. Обычно схватка заканчивается тем, что обидевшая сторона отдает обиженной одну или двух девушек. Причиной военных действий между родами чаще всего бывает нечаянное убийство на промысле представителя другого рода.

И. Г. Гмелин

Описание катангских тунгусов, сделанное И. Г. Гmeliным, основано на собранных им полевых этнографических материалах. Оно содержит сведения, отсутствующие в других источниках начала XVIII в. Поэтому опубликованную здесь работу исследователя можно признать ценным источником XVIII в. о жизни и нравах этой этнографической группы тунгусов.

J. G. GMELIN'S DATA ON THE 18th CENTURY TUNGUS

I. G. Gmelin, a member of the Second Kamtchatka Expedition (1733—1744) had collected copious ethnographical materials on the peoples of Siberia.

The paper examines the information on the Tungus comprised in I. G. Gmelin's work «Travels in Siberia» (vols. 1—4) and in a manuscript of the first two volumes of this work (probably an earlier version) preserved in the Academy of Sciences archive (in Leningrad).

Another work by I. G. Gmelin is here published for the first time: «Various tidings on the Katanga Tungus who dwell on the Lower Tunguska River». The original manuscript (in German) is preserved in the Central Archive for Ancient Acts. The work has been translated into Russian and a commentary written by Z. D. Titova.